

общероссийская
еженедельная
газета

ВПК

№ 25 (341)

30 июня – 6 июля 2010 года
выходит по средам

ПОЛИТИЧЕСКИ –
С ЕВРОПОЙ,
ЭКОНОМИЧЕСКИ –
С АЗИЕЙ

Куда же нам двигаться? 04-05

БРОНЯ
КРЕПКА,
НО «ПРОЗРАЧНА»

Танковые новинки на Eurosatory-2010

07

САМОХОДКА-
ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Созданная в 1944-м СУ-100 до сих пор
состоит на вооружении некоторых армий

11

ТЕМА

ДОЛГОЕ ЭХО ОШИБКИ СОБЫТИЙ

ТРАГЕДИЯ
НА ЮГЕ КИРГИЗИИ
МОЖЕТ ОБОРНУТЬСЯ
НЕПРЕДВИДЕННЫМИ
УГРОЗАМИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Продолжение на стр. 03

ПРОБЛЕМА

ОФИЦЕРОВ ЛИШИЛИ ПРАВА НА ОШИБКУ

Руководство Минобороны РФ будет увольнять командиров бригад, в которых солдат покончил жизнь самоубийством, независимо от того, при каких обстоятельствах и как произошло это чрезвычайное событие, заявил статс-секретарь – заместитель министра обороны РФ Николай Панков.

При этом он отметил: «Мы в течение последних полутора лет взяли практику на ужесточение спроса с офицеров, причем не только непосредственно виновных в тех или иных проступках, недостатках, но и поднимаем спрос по вертикали».

Как подчеркнул Николай Панков, «мы на самом деле сегодня не даем офицеру права на ошибку. Это жесткие требования министра – есть проступок – все, ты не имеешь права быть офицером Вооруженных Сил».

По его словам, начиная с 2008 года в соответствии с программой оптимизации численности офицерских кадров ВС РФ с военной службы были уволены более 108,2 тысячи офицеров. Большинство (38 тысяч человек, или 35,2%) сокращены по оргштатным мероприятиям. Среди покинувших армию 21,9% достигли предельного возраста службы, по истечении контракта ушли 16,3%, по состоянию здоровья – 12,5%, 5,7% не выполнили условия контракта, 4,7% уволенных покинули ряды ВС РФ по собственному желанию. Кроме того, выведены за штат, но не уволены с военной службы 46 тысячи офицеров.

Замминистра сообщил, что для бывших военнослужащих в 57 военных вузах реализуются программы профессиональной переподготовки по 300 гражданским специальностям.

Часть увольняемых офицеров привлекаются в качестве гражданского персонала на должности, которые ранее занимались военнослужащими, в такие структуры, как военные комиссариаты, военно-учебные заведения.

ТЕНДЕНЦИИ

PHOTOPRESS

МИРНЫЕ ЗАХВАТЫ С РАЗРУШИТЕЛЬНЫМИ ЦЕЛЯМИ

РЕЙДЕРЫ, ОРУДУЮЩИЕ
НА ОБЪЕКТАХ ВПК,
НЕ ВООРУЖЕНЫ,
НО ОЧЕНЬ ОПАСНЫ

В ноябре 2009 года по федеральному телевизионному каналу «Россия» был показан документальный 40-минутный фильм Аркадия Мамонтова «Хищники. Рейдерство на российском ВПК». Напомним, рейдерство (raider в переводе с английского – набег, налет) в нынешнем его понимании в нашей стране – это захват, поглощение предприятия против воли его собственника или руководителя. Сегодня это чрезвычайно доходный и сравнительно безопасный с точки зрения уголовной ответственности бизнес: вложив несколько сот тысяч долларов в такую «коммерческую операцию», можно получить активы стоимостью в несколько десятков, а то и сотен миллионов долларов.

Окончание на стр. 06

ФЛОТ ВОЗРОЖДАЕТСЯ

Российский Черноморский флот в период до 2020 года пополнится 15 новыми надводными кораблями и подводными лодками, сообщил главнокомандующий ВМФ РФ адмирал Владимир Высоцкий.

Как заявил адмирал агентству РИА Новости, для ЧФ планируется строить фрегаты проекта 22350 и дизель-электрические подводные лодки проекта 677, шифр «Лада» в соотношении 60 на 30. По словам Владимира Высоцкого, уже в этом году специально для Черноморского флота

будут заложены один фрегат и одна подводная лодка.

В настоящее время ведется строительство головного корабля проекта 22350 «Адмирал флота Советского Союза Горшков».

Начаты ходовые испытания головной лодки проекта 677 «Лада», еще две субмарины этого типа находятся в постройке.

В списках Черноморского флота сейчас числится 40 надводных кораблей и подводных лодок, однако значительная их часть небоеспособна. В частности, в настоящее время обе имеющиеся на ЧФ подлодки проходят ремонт. Причем в отношении ДЭПЛ Б-380 «Святой князь Георгий», находящейся на заводе с 1991 года, принято решение об списании. В ближайшее время планируется также списать большую противолодочный корабль «Очаков», позже вывести из состава флота БПК «Керчь», госпитальное судно «Енисей», транспорт «Тургай», кабельное судно «Светунь» и морской транспорт вооружения «Генерал Рябиков».

Нехватка на ЧФ современных кораблей для выполнения важных международных миссий, в частности реагирования на пиратскую угрозу в районе Африканского Рога, ощущается весьма остро. Поэтому командование ВМФ России рассматривается возможность перевода в состав ЧФ двух самых новых сторожевых кораблей (по классификации НАТО – фрегатов) Краснознаменного Балтийского флота: «Ярослав Мудрый» и «Неустрашимый» (проект 11540, шифр «Ястреб»). Базирование их на Черном море позволит сократить время перехода в воды Аравийского моря, оптимизировав тем самым эксплуатационные расходы и экономия ресурсов.

ГЛАВНАЯ НОВОСТЬ

КАДРОВЫЕ ЗАЧИСТКИ ИЛИ РЕФОРМАТОРСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ?

Алексей ОРЛОВ

В Минобороны России грядет продолжение начатых в нынешнем месяце весьма значимых кадровых назначений и структурных изменений. Решением главы государства в ближайшее время в военном ведомстве будет введена новая должность – заместитель министра по материально-техническому обеспечению (МТО). На днях начальник Тыла ВС РФ – замминистра обороны генерал-полковник Дмитрий Булгаков сообщил, что ожидается указ президента Дмитрия Медведева об объединении в единую структуру Тыла и Управления вооружения Вооруженных Сил. Это, по словам Булгакова, произойдет после начавшихся в минувший понедельник оперативно-стратегических учений (ОСУ) «Восток-2010», на которых Верховный главнокомандующий должен присутствовать лично.

Как известно, на прошлой неделе президент уволил в запас бывшего первого замминистра обороны Александра Колмакова и одновременно назначил на эту должность начальника вооружения Владимира Поповкина. СМИ и экспертное сообщество в первую очередь углядели в данном факте намерение Анатолия Сердюкова при поддержке Кремля избавиться от «неудобных» ему людей и поставить на их место «своих». С этим можно было бы согласиться. Ведь после более чем трехлетнего руководства МО РФ в окружении Сердюкова в основном остались лояльные министру чиновники из команды пилтерцев и налогового ведомства. Однако, похоже, данное объяснение чересчур простое. Поскольку теперь первому замглавы военного ведомства придется выполнять иные задачи, чем прежде.

Если раньше он курировал боевую подготовку Вооруженных Сил, то сейчас у него другие обязанности. Владимиру Поповкину предстоит в первую очередь заниматься координацией всех вопросов, связанных с переснащением армии и ВМФ. Ведь, как ранее официально сообщалось, непосредственно руководить ратной учебной отныне призваны округа и флоты. Военное ведомство будет обеспечивать соединения и части всем необходимым, а Генштаб – управлять ими.

Комментируя суть данных новаций, Владимир Поповкин сообщил, что «создается гражданский ствол, который будет обеспечивать войска. А второй ствол – это проведение боевой подготовки, всех войсковых мероприятий, связанных с эксплуатацией, применением вооружения и военной техники. Решено закупки вооружения, всего другого вывести из обязанностей начальника Тыла и начальная вооружения и назначить ответственного человека, который все это будет заказывать и закупать». И добавил, что взять на себя эту функцию поручено непосредственно ему. Вот почему должность замминистра обороны РФ по вооружению упрядняется. Что касается поста заместителя по МТО, то его займет генерал Булгаков, ибо именно на него возложено апробирование новой системы материально-технического обеспечения на ОСУ «Восток-2010».

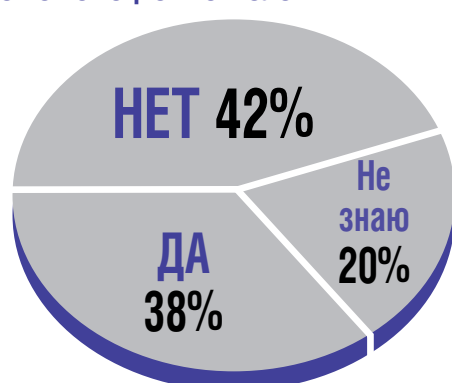
По данным Минобороны, к 1 декабря текущего года в четырех оперативно-стратегических командованиях, созданных на базе военных округов, – Западном, Южном, Центральном и Восточном планируются сформировать 10 бригад МТО (по одной в составе каждой общевойсковой армии).

Заметим, что подобная система существует во многих ведущих государствах мира. Там военное ведомство, возглавляемое гражданским лицом, и вся логистика, связанная с обеспечением вооруженных сил, объединены в одну структуру. Между тем пока неясно, как будет функционировать Федеральное агентство по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств (Рособоронпоставка). Оно в мае 2010 года выведено из-под «крыла» правительства и переподчинено Минобороны. 17 июня главы Рособоронпоставки президент назначил бывшего налогового и советника министра обороны Надежду Сининову, одновременно уволив с этой должности Виктора Черкесова. Встречаясь с Сининовой, Дмитрий Медведев сформулировал две основные задачи агентства: приобретать хорошую технику и экономить деньги. Но замечу, это же поручено и Владимиру Поповкину. Так что не исключено, что Рособоронпоставка будет непосредственно замыкаться на него.

Таким образом, статус данного федерального агентства с правительственного уровня снизошел до рядовой структуры Минобороны. Хотя по положению Рособоронпоставка должна курировать закупки не только для военного ведомства, но и для нужд других силовых структур. Не надо также забывать: по первоначальному замыслу Рособоронпоставка создавалась в 2007 году в том числе и для того, чтобы находясь в структурах правительства, контролировать приобретение вооружений МО, ФСБ, МВД, МЧС и др.

Придется ли всем этим агентству заниматься и впредь, покажет время.

Одобрите ли вы намерение производить
в РФ броню по немецкой технологии?

АНАЛИЗ

Сергей ЦЫПЛЯЕВ, директор представительства аудиторско-консультационной группы «Развитие бизнес-систем» в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области, президент фонда «Республика» (Санкт-Петербург)

На заседании СВОП многие говорили о роли кадров для модернизации. Перед нами встанет самый острый и ясный вызов – либо тотальный призыв в армию в ближайшие годы, либо модернизация. Я не могу себе представить, как можно совместить практически поголовное рекрутирование молодежи и студентов в Вооруженные Силы с модернизацией. В целом ряде сложнейших специальностей, связанных с физикой, математикой, программированием, даже годовой перерыв способен радикально нарушить процесс формирования классных специалистов, которых не заменит поток унифицированных середняков. Попробуйте прервать сложный процесс созревания кадрового офицера, формирования кодекса чести и отправить его на год поработать на вещевом рынке. Тоже своеобразная школа жизни, как и армия, только очень специфическая. Ничто не мешает интенсивно обучать студентов военному делу по месяцу каждые летние каникулы, вместо того чтобы запирать их в казармы с неизвестными целями.

Хочу напомнить, что Совет народных комиссаров в 1943 году принял соответствующее постановление и отозвал с фронта студентов нескольких десятков ключевых вузов и техникумов, понимая, что без соответствующего кадрового потенциала развиваться в течение войны, а тем более после ее окончания будет просто невозможно. Такое ощущение, что у нас сейчас идет полномасштабная военная кампания и положение хуже, чем в 43-м. Мы знаем, что объявлены планы уменьшения числа контрактников и увеличения призыва, но никакие ссылки на громадность территории не дают нам средств для содержания миллиона человек под ружьем.

У нас уже есть большой исторический опыт, свидетельствующий, что военный щит просто умудряется раздавить экономику. Если говорить о военном паритете на длительном историческом отрезке, то совершенно необходимо иметь хотя бы приблизительное равенство экономических возможностей. Сейчас по оборонным потенциалам мы в соотношении с США где-то 1:10 с точки зрения бюджета, а если брать всех союзников Вашингтона, то

СТРАНЕ НЕОБХОДИМО СТАВИТЬ ПЕРЕД СОБОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ, ИСХОДЯ ИЗ ИМЕЮЩИХСЯ У НЕЕ РЕАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Хочу начать с истории с математиком академиком Эйлером. Это самый выдающийся ученый, который когда-либо работал на территории Российской империи. Он уехал жить в Германию, и очередная императрица стала звать его обратно. Эйлер долго отказывался, а когда согласился вернуться в Петербург, поставил ряд условий своего возвращения. И первое звучало так: никаких солдат на постой на квартиру к академику. У меня возникает стойкое ощущение, что в нашей истории военно-политическая машина воспринимает страну как место постоя. Здесь можно постоять, а потом, когда все «съедем» и страна развалится, перейдем на другое место. Нет и не будет другого места.

эту пропорцию можно довести до 1:15 и 1:20. Поэтому предложения построить баланс, под которым понимается приблизительное паритетное состояние, основаны на совершенно мифических представлениях о действительном положении вещей.

Реально сегодня пространство выбора сузилось до предела: либо искать политические способы обеспечения нашей безопасности, причем достаточно дешевые, либо переходить в режим нейтральной страны. То, о чем говорил Алексей Пушков (см. «ВПК» № 23, 2010. – Ред.), на самом деле позволяет быть только нейтральной страной, а-ля Швеция, потому что более серьезный военно-политический центр нам не выстроить. Заказав этот вес, мы просто рухнем под его тяжестью в экономическом смысле.

Именно поэтому нужны серьезные переговоры с НАТО на предмет возможных будущих взаимных гарантий, союзнических отношений и взаимной поддержки, вплоть до вступления в Североатлантический альянс...

В дискуссии были сформулированы две роли России в партии с НАТО. «Россия в альянсе – это означает дружбу против Китая. И эта роль нам неприемлема». При этом было сказано, что «сейчас НАТО дружит против России». А эта роль нам приемлема? А эту роль мы можем вообще вынести физически, политически, организационно и т. д.?

Если посмотреть на историю России, то именно военно-политические амбиции периодически блокировали начавшиеся модернизации. Мы долж-

ны хорошо помнить, к какому результату привело нашу страну упорное стремление овладеть проливами Босфор и Дарданеллы, как была сорвана очень сильно и быстро начинавшаяся модернизация конца XIX века. Я бы не сбрасывал сейчас со счетов, не недооценивал опасность перехода в режим такой мобилизационной парадигмы, которая будет вызвана каким-нибудь внешнеполитическим аспектом. А мобилизационная парадигма, как мы знаем, мгновенно подавляет в стране любые варианты духа свободы, духа предпринимательства, пресекает естественное саморазвитие страны без аварийно-спасательных модернизаций через диктатуру. Поэтому придется серьезно переосмыслить объем наших обязательств и желаний, в том числе и во внешнем мире, чтобы оставалась возможность нормально-го экономического развития.

Дабы показать, как тяжело поддерживать паритет при технологическом отставании, приведу такой пример. В 80-х годах, когда наша страна считала себя очень сильно технологически подготовленной, выяснилось, что нам необходимо проводить в пять (!) раз больше пусков космических ракет по сравнению с американцами, потому что на орбите наша электроника слепнет, глохнет и умирает гораздо быстрее. Понятно, что из-за короткой жизни этой маленькой «фитильки»-микросхемы мы были вынуждены выбрасывать в ракетную трубу совершенно невероятные деньги, чтобы поддерживать сопоставимую с США орбитальную группировку. Ясно, что долго держаться в таком состоянии просто невозможно и не удастся.

Резюмируя, хочу сказать: внешнеполитический и военный курсы должны обеспечивать в первую голову возможность долгосрочного выживания страны, возможность догоняющего экономического развития. Нам необходимо сейчас ставить перед собой внешнеполитические задачи по тем реальным средствам и возможностям, которыми мы располагаем сегодня и будем располагать завтра.

ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ ВЫСТУПЛЕНИЙ УЧАСТНИКОВ ДИСКУССИИ НА XVIII АССАМБЛЕЕ СОВЕТА ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ, ГДЕ ОБСУЖДАЛСЯ ВОПРОС О ТОМ, КАКОГО КУРСА НЕОБХОДИМО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ РУКОВОДСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:

ЦЕЛЬ ОПРЕДЕДЕЛЕНА. ОСТАЕТСЯ ЕЕ ДОСТИЧЬ

Сергей ОЗНОБИЩЕВ, директор Института стратегических оценок, заместитель председателя ассоциации «Россия – США», профессор МГИМО МИДа РФ

В Концепции внешней политики Российской Федерации (июль 2008 года) в качестве одной из основных задач для сосредоточения главных внешнеполитических усилий рассматриваются «создание благоприятных внешних условий для модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития... обеспечение конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире». В своей статье «Россия, вперед!» (сентябрь 2009 года) президент Медведев конкретизировал эту цель, отметив, что «модернизация российской демократии, формирование новой экономики... возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества». В январе 2010 года представительная делегация РФ участвовала в семинаре по инновациям в США, после чего на Всемирном экономическом форуме в Давосе министр финансов РФ Кудрин заявил, что России «нужно завозить новейшие технологии».

Итак, можно констатировать по крайней мере два важных момента. Первый – не следует ломиться в открытую дверь и пытаться формулировать необходимость (или отсутствие таковой) связи между модернизацией и внешней политикой: она уже официально сформулирована в качестве одной из целей внешнеполитической стратегии. Второй – эта цель сформулирована таким образом, что она фактически должна являться одним из определяющих направлений внешней политики России.

Из признания такой немаловажной для будущего нашей страны внешнеполитической логики следуют две также вполне конкретные задачи.

Первая задача заключается в том, чтобы законопослушные чиновники, имеющие непосредственное отношение к выработке и реализации внешнеполитического курса, активно и упорно занимались формированием такого «внешнеполитического поля», которое не противоречило бы и тем более не мешало выполнению достаточно отчетливо сформулированной генеральной линии.

Если каждую из конфликтных ситуаций последнего времени проанализировать действительно непредвзято, то заявленное в этом зале противоречие между модернизационными целями России (предполагающими сотрудничество с Западом) и так называемым уровнем «конкретной политики» в отношении с тем же Западом окажется абсолютно надуманным.

Россия не столкнулась с противоречием такого рода и в конфликте с Грузией. Зато именно в нем выпукло проявились иные исконные для самой российской политики противоречия: между долгосрочными интересами нашей политики и сиюминутной рефлексией политической элиты, между стратегической задачей обеспечения мира и добрососедских отношений с соседними государствами (а тем более с государствами, с которыми связывает глубокая культурно-историческая общность) и неумением сконцентрированно подобные задачи выполнять.

И как бы наши политики ни пытались вину за все произошедшее свалить на «невменяемого» Саакашвили и происки Запада, это не отменяет полного провала нашей внешней политики в отношении Грузии, которая (и я это знаю доподлинно) серьезно рассматривалась в коридорах российской власти в 90-е годы в качестве

«стратегического партнера» России на Кавказе.

Что нам помешало реализовать поставленную цель? Сиюминутные обиды на одного, другого, третьего грузинского лидера? Хотелось бы напомнить, что искусство политики состоит не только в том, чтобы приводить к власти людей, которые на сегодня кому-то представляют уютными (это сложный и редко удающийся сценарий), но в гораздо большей степени в том, чтобы работать и строить отношения с теми, кто избран народом другой страны – объекта российской политики.

Для России же все лидеры Грузии были неудобны и/или синдром «сверхдержавности» не позволял нам «опускаться» до диалога с ними на равных. В итоге в случившейся трагедии – военном конфликте с еще недавно «братской республикой» есть значительная доля вины отечественных политиков, которые нагнетали напряженность и говорили с Тбилиси свысока, а также тех, кто по долгу службы мог, но не сумел предотвратить кровавого конфликта. Разве кто-то не давал Москве говорить с Тбилиси? Разве кто-то мешал не допустить эскалации ситуации, наладив диалог и с грузинскими, и с западными политиками? Неужели миротворческая «миссия Саркози» не могла состояться до конфликта, а не после него? В чем существующее будто бы противоречие между реальными данной ситуации и установленным добрососедских, партнерских отношений с Западом?

Не менее поучителен и пример с Ираном. В чем состоит альтернатива действий для России и есть ли она на самом деле? Мы не хотим, как у нас говорят некоторые, идти на поводу у Запада. Никто этого от нас и не требует. Но разве альтернативой должны стать «пустые санкции», которые просто физически неспособны оказать никакого воздействия на Иран. Выдумывая разного рода художествен-

ные определения тем санкциям, которые хотели бы видеть, мы подчас забываем, что санкции СБ ООН бывают только двух типов – либо действительные, либо бездейственные. Пока что, судя по результатам, мы плодим санкции именно второго рода.

Но разве отвечает интересам России обретение Ираном ядерного оружия? Что мешает нам найти такую компромиссную формулу давления на Тегеран, которая продемонстрировала бы иранскому режиму решительность и единение основных держав в главном – не допустить появления еще одного члена ядерного клуба, политика которого к тому же мало предсказуема и просто опасна. Или наивно рассчитываем, что уж мы-то с Тегераном всегда договоримся, а в обмен получим очередной «бушерский контракт»? Но разве не иранские деятели в последнее время не раз «кидали» Москву? И разве Иран без ядерного оружия не важнее, чем любой «бушер»? И, наконец, разве безядерный Иран не так же важен для Москвы, как для Парижа, Берлина, Лондона и Вашингтона?

Если не руководствоваться в политике идеологизированной целью «противодействия» американской политике везде и повсюду, то ответы на эти вопросы должны быть однозначными. Кроме того, самый выгодный контракт с Ираном имеет крайне отдаленное отношение к целям модернизации страны, однако способен серьезно осложнить отношения России со странами, которые действительно должны стать для нас источниками «модеризационного опыта» в соответствии с нашим же собственным рецептом необходимости его «заимствования».

Поэтому необходима очень точная «настройка» российского внешнеполитического механизма таким образом, чтобы он во всем своем комплексе был нацелен на поддержку инновационного развития так, чтобы отдельные направления

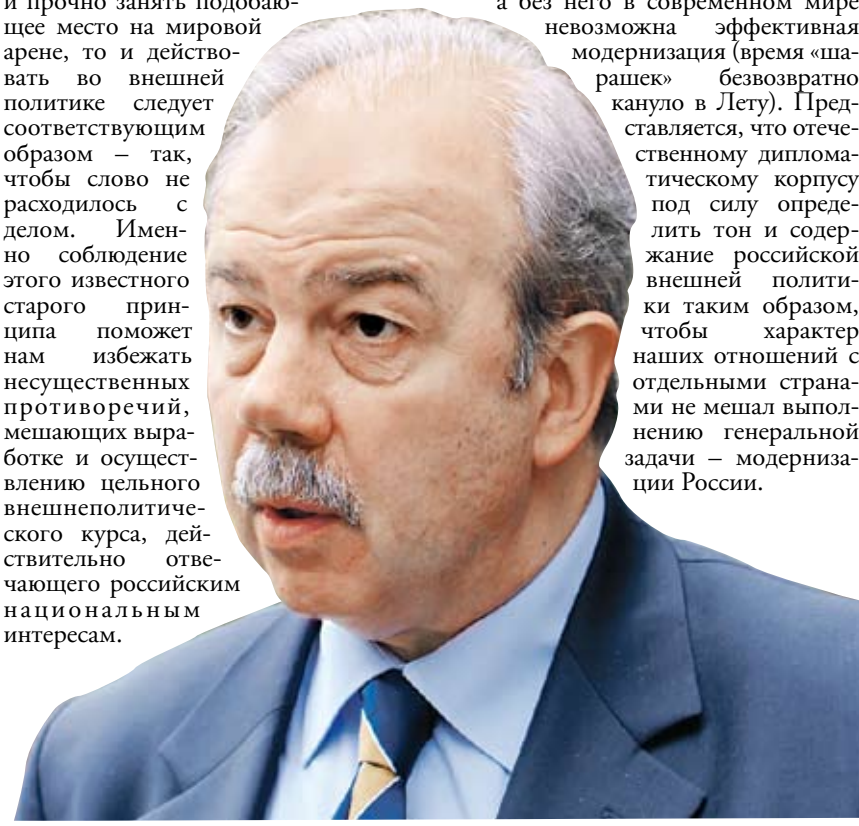
БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НЕВОЗМОЖНО ТЕСНОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Вопрос о том, надо ли проводить внешнюю политику, ориентированную на модернизацию, сегодня уже превратился в абсолютно абстрактную фигуру речи. Можно сколь угодно теоретизировать на эту тему, но на национальном уровне цель нашей внешней политики – прямая и непосредственная поддержка развития России – уже определена.

отечественной внешнеполитической активности не входили в противоречие с этой, на сегодня действительно генеральной целью.

Итак, вторая задача внешней политики состоит в построении приоритетных отношений именно с мировыми «лидерами модернизации». А среди них нет ни Ирана, ни государств Латинской Америки, но есть США, Япония, Южная Корея, развитые страны Европы. Значит, если мы не на словах, а на деле собираемся стать высокоразвитой страной и прочно занять подобающее место на мировой арене, то и действовать во внешней политике следует соответствующим образом – так, чтобы слово не расходилось с делом. Именно соблюдение этого известного старого принципа поможет нам избежать несущественных противоречий, мешающих выработке и осуществлению цельного внешнеполитического курса, действительно отвечающего российским национальным интересам.

Внешняя политика России может называться и быть прагматичной и многовекторной, но только и лексика, и содержание этой политики должны быть такими, чтобы не подрывать столь важное для нас инновационное развитие. А значит – дипломатическими средствами должно быть обеспечено самое плотное взаимодействие с перечисленными выше странами, являющимися лидерами инновационного развития. Без политической составляющей невозможно тесное научно-техническое сотрудничество, а без него в современном мире невозможна эффективная модернизация (время «шарашек» безвозвратно кануло в Лету). Представляется, что отечественному дипломатическому корпусу под силу определить тон и содержание российской внешней политики таким образом, чтобы характер наших отношений с отдельными странами не мешал выполнению генеральной задачи – модернизации России.

Михаил ХОДАРЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКИ – С ЕВРОПОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИ – С АЗИЕЙ

ФОРМИРУЕТСЯ НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР МИРА

Нынешняя полемика меня обеспокоила. Она демонстрирует, что у нас появилась еще большая сумятица в головах... Несомненно, нам нужно ее преодолеть. Но я, к сожалению, не смогу помочь в этом по той простой причине, что моя концепция абсолютно эклектична.

Сергей КАРАГАНОВ,
*декан факультета мировой
экономики и мировой политики
Государственного университета –
Высшей школы экономики,
председатель президиума СВОП,
член Совета при президенте РФ
по содействию развитию институтов
гражданского общества
и правам человека,
член Общественного совета
при Министерстве обороны РФ*

А теперь мои тезисы коротко.
Первое. В России пока нет реальной модернизации. Поэтому мы должны накапливать силы для ее проведения. Нам – в очередной, если хотите, в 25-й раз – требуется время. Оно необходимо

для институциональной модернизации, для образовательной модернизации, для того, чтобы попросту сформировать класс модернизаторов, новый класс молодых русских. Тот, который мы сейчас имеем, сделать ничего в стране не может. Его нужно сначала вырастить.

Второе. Мир стал совершенно другим. Впервые, идут колоссальные глобальные процессы перераспределения и дестабилизации. Вторых, стартовала, к сожалению, новая борьба за ресурсы и территории. И главное – начался и очень быстро, просто стремительно развивается подъем Азии.

Тут у меня есть одна большая претензия к российской внешней политике. Она мне кажется не просто плохой, а убогой. Она является убогой в том отношении, что совершенно не соответствует действительности. У нас нет азиатской стратегии. У нас нет понимания того, что такое Азия. В лучшем случае мы признаем некоторые достижения азиатского мира. Мы не понимаем, что в Азии формируется новый эконо-

мический и технологический центр мира. Он уже существует в Сингапуре и Шанхае, в Японии и Южной Корее, а будет формироваться и дальше. И через 5–10 лет основные современные технологии пойдут оттуда, а не с Запада. Мы этого не хотим даже понимать. В лучшем случае признаем, что там действительно есть рост, что на самом деле в Азии это получается.

Мир кардинально меняется. И у нас вообще нет никакой реакции на происходящее ни среди «реакционеров», ни среди «прогрессистов». Отсутствует осознание, что в мире происходит.

При этом внешняя политика, которая проводится Министерством иностранных дел, вполне адекватна. Но ее экономическое наполнение нет. Отсутствует и понимание, куда идет мир. Именно поэтому я называю убогой нашу азиатскую политику в целом.

Я согласен: если говорить о капитале как о знаниях, социальном опыте, то нам нужно, конечно, любыми способами пытаться сближаться с Западом или во всяком случае держать двери открытыми. Но не соглашусь с теми нашими уважаемыми коллегами, которые говорили, что у нас замечательная азиатская политика. Да, с дипломатической точки зрения она неплохая. У меня к ней нет претензий. Но с Китаем у нас торговля имеет ужасающую структуру, практически отсутствуют взаимные инвестиции, то есть их объем в 10 раз меньше, чем со Швецией! Не налажена конечно-нибудь серьезная торговля со странами АСЕАН и опять-таки почти нет никаких взаимных инвестиций! И что – это не проблема внешней политики? Но это и проблема господ, находящихся за этим столом, которые все еще не понимают, что центр мирового экономического, хотя еще не социального опыта уже переместился в Азию.

Директор Института Азии и Африки уже много лет говорит об этом. А ему не верили и не верят. Между тем он оказался прав: в Азии идет уже не просто экономический рост, а сумасшедший экономический и технологический рост. А Россия все пропустила. Это огромная наша ошибка, огромный наш неиспользуемый ресурс.

Что же в данной ситуации нам нужно делать для обеспечения позитивного развития страны?

Необходимо идти в противоположных направлениях. Для модернизации, для развития в социальной, политической и культурной сферах России надо сближаться с Европой и брать оттуда соответствующие стандарты, поскольку больше неоткуда. Другого источника у нас нет. Но Европа между прочим – это уже и Азия. Самая развитая страна Азии и мира Сингапур – это англосаксонское право. Больше нам брать неоткуда, тем более что азиатские наши соседи совершенно не хотят, чтобы мы сильно развивались.

Россия их вполне устраивает в том виде и состоянии, какая она есть. И мы с Сергеем

Алексахеном и Владиславом Иноземцевым недавно еще раз в этом убедились. В начале апреля делегация СВОП побывала в КНР в рамках очередного двустороннего семинара с Китайским институтом международных стратегических исследований при поддержке РИА Новости. Семинар был посвящен оценкам происходящих изменений в мире и их влиянию на российско-китайские отношения. Китайцы крайне радушно к нам настроены. Давайте, мол, развивайтесь, как хотите, все равно как. Только качайте побольше нефти и газа да дороги ремонтируйте. По-моему, больше нашим соседям ничего и не надо.

Но если для социальной и политической модернизации нам нужно сближаться в первую очередь с Европой, то для экономической и в возрастающей степени технологической модернизации – еще и с новой передовой Азией. У нас почти нулевые взаимные инвестиции с Китаем, с другими передовыми азиатскими странами. США вовсю идут в Азию. А мы – страна, половина которой находится в Азии, – туда почти не смотрим или смотрим с опаской.

Третье. Соответственно нам нужно искать возможности, если они есть, для того, что мы называем с присутствующими здесь коллегами «союзом Европы», то есть для создания единого социального, экономического, человеческого, энергетического и иного пространства исключительно со Старым Светом. Но не потому, что это выгодно экономически, а потому, что это необходимо социально, культурно для нас, поскольку мы не имеем другого источника нашего развития.

В этой связи можно совершенно спокойно вступать в НАТО, ибо этот блок, если в его состав войдет Россия, фундаментально изменится. Альянс перестанет быть союзом Запада. Все это прекрасно понимают. Вот почему нас туда скорее всего не примут. Впрочем, вступление России в НАТО наших китайских друзей, мнением которых мы неоднократно интересовались, абсолютно не беспокоит. Вопреки тому, что заявляют противники этого шага, китайцы говорят: «Если вы хотите вступить в НАТО, давайте. Это же будет другое НАТО, оно нам угрожать не станет. Сейчас мы боимся союза Запада, а тогда будет совершенно другая организация, которая не то что угрожать нам не будет, а вообще превратится во что-то хорошее, с чем мы можем сотрудничать. Вы-то против нас не пойдете». Мы против них действительно не пойдем.

Четвертое. Главным направлением нашей внешней политики для модернизации, конечно, должно быть экономическое сближение с Азией при социальном и политическом сближении с Европой. При этом сближение не только и не столько с Китаем, а с Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН. Там формируются, повторяю, мощные центры роста.

Часть данного направления модернизации – это осмысленная стратегия в отношении

освоения Сибири. Сегодня ее нет. Кстати сказать, когда-то вариант такой стратегии в рамках программы СВОП написали Александр Хлопонин и Владимир Рыжков. Десять лет назад вышла книга СВОП «Стратегия для России», в которой одна из глав была посвящена плану освоения Сибири и Дальнего Востока с вовлечением максимального числа региональных и глобальных игроков. Среди предлагавшихся мер – завоз туда миллионов работников, но не только из Китая, а из Киргизии, Индии, Бангладеш, откуда угодно, для того чтобы осваивать наши земли за Уралом. Там возможно создание специальных отраслей, например, снабжающих мясом и зерном огромный рынок Азии, где, как вы знаете, растет дефицит продовольствия благодаря увеличению потребления. А у нас предпосылки для увеличения производства сельхозпродукции имеются.

Вот такое странное сочетание и должно стать основой российской политики. И я прекрасно понимаю, что предлагаю разнонаправленные векторы движения.

И последний, пятый тезис. В СВОП необходимо провести серьезную и глубокую дискуссию о роли военной силы в современном мире. Мы эту роль не понимаем. В мире ее тоже не понимают. И соответственно мы должны подумать о том, уменьшается ли она, как утверждает Сергей Алексахено, или увеличивается, как говорит или даже чувствует Караганов. Но при любом варианте единственным для России выходом при вступлении в этот период безвременья – на 15 лет, пока мы будем сначала накапливать силы, а потом, надеюсь, начнется какой-нибудь модернизационный рывок – является мощная модернизация ядерного потенциала и мощная модернизация сил общего назначения. Потому что если мы этого не сделаем, то станем всех бояться. Но эта модернизация Вооруженных Сил должна быть современной, типа той, за которую ратует нынешний министр обороны Анатолий Сердюков. Это создание компактных, но мощных многофункциональных вооруженных сил, с которыми можно себя более или менее уверенно чувствовать, и очень действенного, пусть и уменьшенного ядерного потенциала. При этом, естественно, не следует позволять втягивать страну в дальнейшие переговоры по сокращению ядерных вооружений, а сокращать, если это необходимо, только лишь в целях повышения их эффективности.

Повторяю, это даже не вопрос противостояния, сдерживания, хотя, может быть, и здесь надо разобраться по-настоящему. Это нужно для того, чтобы не впадать в панику в ситуации, когда мы будем относительно слабесть экономически в ближайшие 10 лет.

Таким образом, нам надо пытаться договариваться с Европой. Европейцы начинают понимать, что они слабеют еще быстрее нас. Но боюсь, что там не с кем будет договариваться, хотя стараться нужно.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: КАК ЗАЩИТИТЬ СВОЮ ТЕРРИТОРИЮ

РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЕ ДОВЕРЯТЬ НЕЛЬЗЯ. НО МОЖНО ВЕРИТЬ ОБАМЕ

Прежде всего напомним, что практически ту же самую тему, те же самые ее аспекты мы обсуждали в первые годы существования СВОП, а уж в этом зале – точно – и 10, и 12, и 15 лет назад. Статьи, за это время Россия сильно политически модернизировалась. Тогда вообще был какой-то хаос. Впрочем, счастья это, по-моему, никому не принесло, в том числе и в смысле сближения с Евросоюзом. Тема опять почти метафизическая, поэтому выступаю тезисно.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ, *декан факультета
«Высшая школа телевидения» МГУ
им. Ломоносова, профессор МГИМО МИДа РФ*

Модернизироваться политически и экономически и считать, что это гарантия военной безопасности при нашей-то территории, – это, по-моему, просто обманывать себя. В этой связи готовы ли мы с кем-то поделить суверенитетом на каких-то условиях? Да мы с Евросоюзом, с европейскими институтами, не нами созданными, со всякими гаагскими трибуналами и страсбургскими судами давно уже частью национального суверенитета поделились. Президент Медведев недавно публично признался, когда ему Зюганов насчет смертной казни напомнил, что если бы он в Кремле десять

лет назад сидел, он бы иначе решил, а теперь сделать ничего не может. Это президент великой страны сказал, что не может вывести свое государство из-под юрисдикции европейских институтов, которые не Россия создавала.

Поделились суверенитетом уже. Ничего нам это не дало. Это к тому, насколько эффективно делиться с кем-то другим.

То, что ловко соорудили какую-то модернизацию и по сему случаю нас куда-то примут, этого точно не будет. И военной безопасности от этого не прибавится.

В принципе согласен с тем, что описал Вячеслав Никонов: по всем азимутам и со всеми сохраняя некие отношения на ту или иную глубину. Правда, у него оптимизма было очень много, даже слишком много, но диспозиция, на мой взгляд, абсолютно вер-

ная. В какое-то там НАТО вступать... Кто опять эту ахинею начал обсуждать? Даже смешно. Да простят меня выдающиеся люди современности.

Модернизация за счет собственных ресурсов. Это можно обозвать и неприличным словом «чучье», ну так все равно нас как-то обзовут. А то России подарит ресурсы для модернизации или просто так пришлет? Да никто не подарит. В этой связи Сергей Караганов сначала сказал: мир стал другим, мы этого не замечаем, а потом стал что-то говорить о каком-то переделе территорий, о том, что Китай нас купит. То есть мир-то другим не стал, просто те же самые цели решаются другими средствами. Вопрос в том, будет ли через 50 лет существовать комбинация национальных государств или группа квазигосударств по типу Евросоюза? Но территории, богатства-то все равно примутся делить! «Золотой миллиард» и остальных мировых игроков еще никто не отменил. Вопрос в том, кто в этот «золотой миллиард» будет входить. Даже сам Караганов не хочет войти в серебранные два миллиарда и будет сопротивляться этому. И я его понимаю. Но и Караганов не может сделать из «золотого миллиарда» два золотых миллиарда.

У меня нет никакого сомнения, что США пожертвуют Россией и всеми остальными, как только для них возникнет какая-то реальная опасность. И Евросоюз пожертвует Россией. Другое дело, что Евросоюз

действительно уже не жилец. А американцы – безусловно, пожертвуют. Поэтому мой лозунг такой: верь Обаме, но не доверяй США.

Как мы можем защитить свою территорию? Много ли у нас народа, мало ли, и даже когда сидим в этом зале, территория страны пока еще наша, мы все равно вынуждены решать эту задачу. То есть нужно принять решение: когда начнется активная борьба за территории и ресурсы, а она, безусловно, начнется, что мы будем делать? Отдадим или будем защищать? Вопрос нерешенный российским обществом. И фокус-группы, проводимые Игорем Буниным, и опросы ВЦИОМа, Левада-центра меня не убеждают. Здесь нужно понять и предпринять нечто более фундаментальное.

И вот еще вопрос: а мы будем защищать в случае чего российскую территорию или уже сейчас готовы ее отдать (и даже как-то намекаем на то, что готовы)? Этот вопрос нужно задать российской элите. По отношению к ней у меня даже меньше доверия, чем к президенту Обаме. Нужно на полиграфе всю российскую элиту проверить на этот вопрос: будем или не будем защищать российскую территорию? Это несложное исследование. Трудно лишь будет уговорить испытуемых. Думаю, что только Путин лично способен это проделать в своем кабинете... Так что при встрече Владимиру Владимировичу подарите полиграф.

Михаил ХОДАРЕНОК